

30 НОЯ 1961

ОТВЕЧАЕМ НАШИМ ОППОНЕНТАМ

СУЩЕСТВУЮТ ЛИ
ДВА ШОСТАКОВИЧА?

АМЕРИКАНСКИЙ журнал «Тайм» обругал Двенадцатую симфонию Шостаковича. Именно обругал, ибо даже намек на музыковедческий анализ в этой заметке нет, а есть лишь бездоказательные обвинения автора в «банальности». Право же, нельзя без улыбки читать такие, например, фразы: «Композитор избегает в этой симфонии мрачных красок и сложных построений, традиционных в русской оркестровой музыке; своими резкими, острыми ритмами и исключительной изобретательностью в некоторых секвенциях, проводимых струнными инструментами, это произведение напоминает другие, гораздо лучшие образцы».

Для каждого, у кого музыка симфонии на слуху, ясно, что слова эти никакого отношения к ней не имеют. И безграмотная оценка «Таймом» Двенадцатой Шостаковича не заслуживала бы, пожалуй, упоминания, если бы не то обстоятельство, что безымянный автор ее с усердием, достойным лучшего применения, пытается создать некую концепцию о «двух Шостаковичах» — «декадентском» и «демократическом».

Попытка эта не нова. За последние годы в западной печати нередко можно встретить утверждения, что Шостакович всю жизнь пишет якобы музыку двух родов: сложную, изысканную — для себя, тонких ценителей и будущего и «демократическую» — по заказу и приказу сверху. И пора, мне думается, разобраться во всем этом.

Полемика убедительнее всего в том случае, когда она максимально конкретна. Посмотрим же, каковы аргументы «Тайма», как видится редакции американского журнала творческий путь Дмитрия Шостаковича.

«Он стал музыкальной знаменитостью уже в 19 лет, когда на современную сцену ворвалась его первая симфония, произведение яркое, профессионально зрелое и смелое». Ну что ж, это верно. «Его стиль, характеризующийся диссонансами и дикими ритмами, сразу же поставил его в ряды авангардистов». Применительно к Первой симфонии подобный вывод более чем странен. У нас любой студент консерватории или музыкального училища убедительно докажет, что как раз в этом сочинении связи Шостаковича с русской классикой наиболее ясны и непосредственны.

«После этого наступил период пустых и банальных симфоний — «Посвящение Октябрю» и «Первомайская симфония». Поясним, что американский журнал называет пустой и банальной «демократическую» (кавычки в подобных случаях принадлежат, разумеется, «Тайму» — И. П.) музыку Шостаковича. «Банальная», по его словам, и Двенадцатая симфония. Совершенно непонятное сопоставление. В огромном творческом портфеле Шостаковича вряд ли найдешь произведения, более далекие друг от друга. Вторая и Третья симфонии — сугубо экспериментальные работы, где поиски экстравагантных, во что бы то ни стало ни на что не похожих выразительных средств превратились в самоцель. Не случайно симфонии эти так и не стали звучать на концертной эстраде. Не зная их, «Тайм» на основании, видимо, программных заголовков, решил, что Вторая и Третья симфонии близки Двенадцатой. Старая истина неоспорима: всегда и во всех случаях рекомендуется писать о музыке на основании конкретного знакомства с ней, а не судить о сочинении по его названию...

К сожалению, так случилось не только со Второй и Третьей симфониями. Всемирно известная Пятая симфония, входящая в репертуар чуть ли не всех крупнейших дирижеров современности, не удостоена в статье чести быть включенной в список лучших произведений композитора потому только, что безымянный автор ее когда-то где-то слышал, будто у Пятой есть подзаголовок: «Ответ советского артиста на справедливую критику».

Какие же сочинения Дмитрия Шостаковича «Тайм» считает лучшими? Первую и Шестую симфонии, Скрипичный и Виолончельный концерты, Фортепьянный квинтет. Действительно, произведения прекрасные. Но при чем здесь декаданс, авангардизм, диссонансы и дикие ритмы?

Прозрачная ясность Первой симфонии и Фортепьянного квинтета, безграничное мелодическое богатство Скрипичного концерта, русская напевность Виолончельного, вдумчивая сосредоточенность первой части Шестой симфонии, конечно, никакого отношения к авангардизму и диким ритмам не имеют. Странный выбор сочинений! С таким же успехом можно привести любые пять других произведений композитора.

Ну, хорошо, Седьмая симфония не нравится «Тайму» потому, видимо, что она посвящена борьбе с фашизмом, Одиннадцатая — посвящена революции 1905 года. А чем же Десятая не угодила? Почему забыты многие камерные ансамбли композитора? Ведь в них и «коммунистических подзаголовков» нет, и музыка в такой же степени «авангардистская», как и в Фортепьянном квинтете.

Цитируем дальше, теперь уже вновь в связи с Двенадцатой симфонией. «Обычно осторожные критики стали мгновенно и с большим энтузиазмом расхваливать ее». Когда это обычно? Если речь идет о произведениях последних лет, то советская музыкальная критика мгновенно, с большим энтузиазмом расхваливала Цикл хорových поэм, Десятую и Одиннадцатую симфонии, Седьмой и Восьмой квартеты, оперетту «Москва — Черемушки», Скрипичный, Виолончельный и Второй фортепьянный концерты... Эти наудачу выбранные примеры легко продолжить.

Сто тысяч почему можно задать «Тайму». Он пишет, что музыка Шостаковича после 1948 года «становилась все хуже». Чем это аргументируется? Да, ничем. Извольте верить на слово. Но как же верить-то, если несколькими абзацами ниже в списке лучших произведений композитора находятся Скрипичный и Виолончельный концерты, написанные в последние годы. Опять концы с концами не сходятся!

Да и не сойдутся они никогда! Нельзя доказать недоказуемое. Безнадежна попытка представить одного из самых искренних художников современности, как некоего двуликого Януса, безнадежна попытка убедить в том, что «на протяжении своей замечательной творческой карьеры Дмитрий Шостакович создавал два совершенно различных рода музыки», безнадежна потому, что все вышедшее из-под пера этого замечательного мастера носит печать оригинальнейшего таланта. Стоит услышать два-три такта его музыки, и вы сразу воскликнете: это Шостакович!

Можно и должно говорить о многообразии его творческого облика, о тематической широте, богатстве содержания его произведений. Можно и должно говорить о двух тенденциях, отчетливо ощущающихся при рассмотрении творческого развития дарования композитора. Одна из них — настойчивые поиски новых выразительных средств, обогащающих творческую палитру, вторая — не менее настойчивое стремление найти максимально простое, точное выражение мысли, путь к сердцу широкого слушателя. Оба они представляют нерушимое диалектическое единство и проявляются обычно в одних и тех же произведениях. С годами это становится все более очевидным. Сравните, например, партитуры Виолончельного концерта и Двенадцатой симфонии. При всей разности тематического содержания, драматургических концепций, жанровых особенностей сочинения эти роднит стремление автора к русской напевности языка, своеобразному развитию и переосмыслению богатейших традиций русских классиков.

Да, не замечать удивительной целеустремленности творческих усилий Дмитрия Шостаковича можно лишь либо плохо зная его музыку, либо находясь в плену предвзятой концепции. В данном случае, мне думается, имеет место и то, и другое.

Безымянный автор «Тайма» о многих произведениях Шостаковича имеет, мягко говоря, весьма смутное представление и пытается, рассудку вопреки, убедить читателей в том, что существуют два Шостаковича: один — для широкого слушателя, другой — для гурманов и снобов. Напрасные попытки!

Ин. ПОПОВ.